

Высокопреосвященнейший
ФИЛАРЕТ (Вахромеев),
Митрополит Минский и
Слуцкий, Патриарший Экзарх
всяя Беларуси

МДА, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгосуниверситета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской Академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; профессор—2000, доктор богословия—2003.

Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, досточтимые отцы, братья и сестры, уважаемые участники настоящей конференции!

Сегодня мы открываем очередную международную богословскую конференцию Русской Православной Церкви. Проведение подобных форумов становится традицией. Это одна из важнейших форм деятельности Синодальной Богословской комиссии, в задачи которой входит организация обсуждений фундаментальных и наиболее актуальных богословских тем и проблем, а также координация научно-богословской работы в нашей Церкви.

На нынешней конференции будет представлено около 60 докладов. Мы рассмотрим эсхатологическое учение Церкви с разных точек зрения.

Прежде всего—в библейской перспективе. Имеется в виду эсхатологическое видение, содержащееся как в ветхозаветных книгах, так и в Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа, то есть в текстах Священного Писания, которые являются нормативными для церковного вероучения.

Нами будут рассмотрены эсхатологические аспекты древних вероучительных споров и соответствующих соборных решений, в которых было сформулировано догматическое учение Церкви. Определения церковных соборов по вероучительным вопросам являются теми опорами, на которых непоколебимо стоит здание церковной веры. Ибо это были не выводы человеческого разума, но деяния, совершаемые по действию Духа Святого и потому подтверждающие данное ранее Откровение Божие.

*Вступительное слово на международной Богословской конференции Русской Православной Церкви «Эсхатологическое учение Церкви» Москва, 14-17 ноября 2005 г.

Следующий ракурс наших исследований—это эсхатология в святоотеческом предании. Отцы и Учители Церкви в своих писаниях истолковывали Слово Божие и истины церковной веры. Они также обсуждали сложные богословские вопросы, на которые нет ясного ответа в Божественном Откровении. Применительно к эсхатологии это особенно важно, так как глубоко таинственные эсхатологические обетования Божии требуют для своего постижения богословствующего разума.

Есть еще один важнейший источник наших знаний о том, как Церковь издревле переживает и выражает свое эсхатологическое видение: это богослужение. Литургическим свидетельствам также будет посвящено несколько докладов.

Эсхатология является одной из важнейших тем современной богословской и религиозной мысли. К ней обращались как православные, в частности русские, так и инославные авторы. Мы услышим сообщения о новейших интерпретациях христианской эсхатологии, которые следует рассматривать и оценивать в свете церковного вероучения и святоотеческого предания. Такой диалог представляется весьма полезным и плодотворным.

Наконец, на нашей конференции будет уделено внимание современным проблемам церковной жизни, связанным с эсхатологией. Хорошо известно, что в разные исторические эпохи наблюдалось оживление эсхатологических ожиданий и настроений, которые порой приобретали крайние формы. Рассмотрению современных эсхатологических представлений будет посвящено несколько докладов, а также круглый стол «Глобализация и эсхатология».

Обращение к отдельным аспектам должно, в конечном счете, способствовать углублению эсхатологического учения Церкви в свете Миссионерской Духовной Академии

сказать наоборот: мы должны не эсхатологию понять как один из элементов вероучения, но само вероучение увидеть в его эсхатологическом аспекте.

Остановлюсь на существенных чертах этого эсхатологического характера церковной веры.

Термин «эсхатология» происходит от греческого слово «эсхатос», что значит «последний», а также «конец», «крайний предел». В самом общем смысле эсхатология—это учение о «последних вещах», о конечных судьбах мира и человека.

В Священном Писании говорится о «последних временах» (Ис. 2, 2; Дан. 8, 19) и о «последних днях» (или «последнем дне» — Иов. 19, 25; Ин. 6, 39). Говорится и о том, что наступит великий «День Господень», когда Бог совершит Свой суд над миром, отступившим от Него.

Отсюда первый смысл эсхатологии: бытие этого мира во времени,—мира, который создан Богом из ничего в результате Его творческого акта, и который будет иметь завершение, а вместе с ним завершится и Домостроительство нашего спасения.

В результате грехопадения человек отпал от Бога. Однако Бог, богатый милостию, не презрел Свое творение и все совершил нас ради и нашего ради спасения—вплоть до того, что «отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Эта вечная жизнь, уготованная верным Христовым, наступает уже после эсхатологического завершения бытия «мира сего». В Никео-Цареградском Символе веры эта эсхатологическая истина выражена в форме упования каждого христианина: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Эти слова указывают на два будущих эсхатологических события. Во-первых, все умершие

восстанут из мертвых «в последний день»; и, во-вторых, откроется «новый век», новый преображенный мир, насельниками которого станут все, кто обрел спасение во Христе.

А между этими событиями—Суд Божий над старым миром. Символ веры говорит о Втором пришествии Господа Иисуса Христа. Если Его первое пришествие было «в образе раба», то второе будет «со славою», чтобы судить живых и умерших. Господь придет снова, чтобы воцариться в новом мире, и Царству Его не будет конца. Так, завершающий историю День Господень становится началом не вечернего дня, а эсхатологический конец мира есть начало бесконечного Царствия Христова.

Таким образом, если мы будем рассматривать бытие этого Богоданного мира с точки зрения Священной истории, то эсхатология указывает на последнее событие в череде определяющих ее последовательных событий: творение—грехопадение—искупление—суд. Второе пришествие Христа Спасителя завершает историю этого мира и открывает новую метаисторическую реальность.

Однако с богословской точки зрения невозможно ограничиться лишь «историческим» пониманием эсхатологии, ибо у нее есть и иной смысл.

Обратившись к свидетельству первоверховного апостола Петра, мы увидим два, на первый взгляд, противоречивых утверждения.

С одной стороны, в своем Втором послании он говорит о «последних днях», имея в виду «день Суда», наступление «дня Господня» — «пришествие дня Божия, в который воспламенные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают» (2 Пет. 3, 10; 12). Здесь же апостол говорит об обличении «нового неба и новой земли, на которой обитает правда» (2 Пет. 3, 13).

А с другой стороны—что говорит апостол Петр в день Пятидесятницы? Чтобы истолковать присутствующим смысл Сошествия Святого Духа, он приводит ветхозаветное эсхатологическое пророчество. Это слова пророка Иоиля о грядущем наступлении дня Господня, великого и страшного, когда Бог излиет от Духа Своего на всякую плоть (Иоил. 2, 28; Деян. 2, 17). И в данном случае «последними днями» апостол именуется время изливания преизобильной благодати Духа Святого на начальную Церковь апостолов и учеников Христовых.

Как же примирить это видимое противоречие апостольского свидетельства? Оно примиряется тогда, когда мы в одном видении объединяем оба смысла христианской эсхатологии—«исторический» и тот, который открывается в благодатном духовном опыте Церкви.

И тогда эсхатологическим возвещением является само Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, то есть благовестие о пришествии в мир Спасителя. «Последний» — это Христос. Так, в книге тайнозрителя, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, о Христе говорится, что Он есть Первый и Последний («протос» и «эсхатос»), Который был мертв, и се, жив (Откр. 2, 8). И Сам Господь говорит: Я есмь Альфа и Омега... Который есть и был и грядет, Вседержитель (Откр. 1, 8).

Таким образом, «последние времена» — это, прежде всего, та полнота времен (Гал. 4, 4), когда является Сын Божий, который в Воплощении становится Сыном Человеческим. А значит—и истинным Богопомазанным Царем.

С пришествием Царя-Христа приходит и Царство Божие. В первый раз оно приходит не приметным (Лк. 17, 20) для внешнего мира образом. Более того, мир отвергает Христа как Спасителя и Искупителя. Но Царство Божие находит место внутри

каждого ученика и последователя Христова, среди нас, христиан (Лк. 17, 21).

С этой точки зрения «последнее время» — это время искупительного деяния Сына Божия и создания Церкви Христовой на камне апостольского исповедания. Так, апостол Петр говорит: «Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа как непорочного и чистого агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас» (1 Пет. 1, 8-20).

В то же время воцарение Бога в Церкви еще не есть победа Царства Божия во всем мире. Церковь есть присутствие Царства Божия на земле, но «мир сей» — в евангельском смысле этого понятия — остается вне Церкви. Мир, который «во зле лежит», в котором царствует грех и побеждает тление, — этот мир пребывает в ожидании конца, завершения своей истории. Именно в этом мире должен явиться антихрист. Однако в Церкви, которая пребывает в этом мире, царствует Спаситель Христос.

Пришествие Христово часто обозначается словом «парусия», которое означает одновременно и «присутствие» и «пришествие». Это слово удачно выражает двойной смысл христианской эсхатологии.

Эсхатологическая эпоха в истории мира начинается уже с первым пришествием Христа. Наступают те «последние времена», которые суть не что иное, как в ремя Церкви, время ее миссии в мире. Ибо после Своего Вознесения Господь не оставляет Свою Церковь. Давая ей заповедь о проповеди «даже до края земли», Он дает и обетование Своего присутствия: «И се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Другими словами, Церковь живет и осуществляет свое служение во «временном про-
Минской Духовной Академии

Минской Духовной Академии
Спасителя. И для самой Церкви Второе пришествие Христово не является радикально новым событием. Ибо Церковь в духовном отношении пребывает уже в конце времени мира, уже со Христом.

Это пребывание Церкви не только в историческом, но именно в эсхатологическом времени особенно ясно выражено в евхаристической молитве, совершаемой во время Божественной литургии. В этой молитве мы вспоминаем, то есть осознаем и всегда заново переживаем, все дело нашего спасения: Поминающе убо спасительную сию заповедь (то есть заповедь о совершении Вечери Господней) и вся, яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие, Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся, Тебе поем...

Это воистину эсхатологический текст, в котором нарушена обычная логика времени. Ибо Церковь устремлена в будущее, которое уже для нее наступило, которое она уже переживает. Об этом свидетельствует и диалог священнослужителей во время литургии: Христос посреди нас! — И есть, и будет!

Издравле христиане, исполненные веры и упования, с радостью ожидают Второго пришествия своего Господа и Спасителя, в надежде на «жизнь будущего века». О грядущем Втором пришествии Спасителя в Священном Писании говорится таинственно и прикровенно. И говорит об этом не только апостол и евангелист Иоанн Богослов в своей книге Откровения, но и Сам Господь в Евангелии, в так называемом «малом апокалипсисе» (глава 13 Евангелия от Марка).

«О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мк. 13, 32). А потому и главная заповедь, которую нам дает Спаситель в связи с

пророчеством о Конце, такова: «Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время» (Мк. 13, 33).

Как нам следует относиться к так называемым эсхатологическим ожиданиям, которые время от времени усиливаются в народе Божиим?

Как таковые они являются просто проявлением христианской веры, в том числе веры в то, что Господь грядет со славою и потому непременно наступит конец мира и истории. «Се, Жених грядет в полночи, и блажен раб, Егоже обрящет бдяща». И нередко в истории Церкви о приближении Конца этого мира и Суда Божия возвещали умудренные благодатью Духа Святого подвижники—так же, как это делали древние пророки и апостолы Христовы.

Но почему святые напоминали и напоминают нам об этом? Не потому ли, что, пройдя длительный искуc, они научились пребыванию в постоянном трезвении и бдении, то есть—всевременному предстоянию Господу Иисусу Христу? Именно опыт единения с Богом в непрестанной молитве позволяет святым с особой остротой видеть зло этого мира и его апостасию.

Однако видеть обреченность этого мира и зло, которое в нем действует,—это не то же самое, что предаваться «апокалиптическим настроениям». Тем более, бодрственно ожидать Второго пришествия Спасителя, Который придет «как тать в нощи» (2 Пет. 3, 10),—не то же самое, что напряженно ожидать пришествия антихриста.

К сожалению, есть и такие христиане, для которых более важным, чем духовное бодрствование, является поиск знамений Конца истории, якобы уже приближающегося на их глазах. Их духовное зрение обращено не столько ко Христу, царствующему в Своей Церкви, сколько к грядущему антихристу.

Для них Христос—или в прошлом, или в будущем, а в настоящем—«апокалиптические ожидания», а лучше сказать—страхования. Это односторонняя, а потому искаженная эсхатология, искажающая духовное устройство ее приверженцев.

По святоотеческому учению, «мир сей»,—это прежде всего греховные страсти, восстающие на душу и тело христианина и воюющие против его веры и упования. И, увы, не только Царство Божие, но и греховный мир сей «внутри нас есть». Именно наша греховность и приверженность миру сему заставляет нас страшиться наступления последнего Суда. Ибо «дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак. 4, 4).

Но, с другой стороны, наша вера обращена к Тому, Кто сказал: «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). Вспомним первых христиан, которые с радостью и упованием ожидали скорого пришествия Христа, восклицая: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20). Правильное духовное устройство—это радость о Воскресшем Господе и о дарах Его благодати, подаваемых в Церкви Христовой, которую никогда не одолеют врата ада (Мф. 16, 18).

Говоря светским языком, можно сказать, что христианская эсхатология оптимистична. Но в то же время этот оптимизм не имеет ничего общего с прекраснодушием и самоуспокоенностью. Ибо тех, кто утрачивает веру и коснеет в грехе, ждет нелицеприятный Суд Божий.

Эсхатология говорит о «последних вещах», то есть о завершении, а лучше сказать—о свершении мира. Это свершение есть одновременно дело Божие и дело человеческое. Ибо мы не можем обрести спасение без Бога, но и Бог не может спасти нас—без нас самих.

А потому эсхатология говорит нам и о том, каким должно быть наше отношение к

миру, в котором мы живем и совершаем свой духовный путь.

Мир как космос, как жизненное пространство человека, несмотря на его искаженное состояние, не чужд христианам. Мы не должны бежать от мира, в который пришел Сын Божий ради его спасения. Именно в мире Церковь, которая есть Тело Христово, имеет свою миссию. Это миссия просвещения и освящения мира. «Не молю, чтобы Ты взял их из мира,—говорит Спаситель о Своих учениках в Первосвященнической молитве,—но чтобы сохранил их от зла»

(Ин. 17, 15). Христиане не должны погружаться в «апокалиптические ожидания» скорого Конца истории, забывая о своем долге и призвании в истории этого мира.

Но призвание человека не ограничивается пребыванием в этом мире, где, в конечном счете, побеждает смерть. Ибо смерть уже побеждена Воскресением Христовым. И эта победа восторжествует после конца этого мира, когда пришедший во славе Господь «предаст Свое Царство Богу и Отцу» (1 Кор. 15, 24). И тогда явятся Новое небо и Новая земля—где правда живет.